

Договор в пользу третьего лица: модель акцептации против модели ретроактивного отказа

Научный руководитель – Усачёва Ксения Александровна

Маркосян Е.Ю.¹, Колесниченко Е.А.²

1 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия, *E-mail: markosyan.elizaveta@mail.ru*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия, *E-mail: mail677@inbox.ru*

Договор в пользу третьего лица позволяет наделить правом лицо, не являющееся стороной договора. Необходимо ли для правонаделения согласие (акцепт) самого третьего лица (дестинатария)? В доктрине выделяются две противоположные модели возникновения права у выгодоприобретателя: 1) модель акцептации и 2) модель ретроактивного отказа.

Модель акцептации предполагает возникновение прав у дестинатария, если он заявит о своем согласии воспользоваться предусмотренным договором правом. Согласие может выражаться прямо либо быть подразумеваемым. До этого момента дестинатарий обладает секундарным правом присоединения к договору [3;211]. После акцептации дестинатарием, последний приобретает в настоящем понимании субъективное право, обеспеченное судебной защитой, которому противопоставляется обязанность должника. Акцепт со стороны бенефициара выступает моментом трансформации договорных правоотношений: после акцептации обязательственная связь «должник – промиссар» переходит в связь «должник – дестинатарий» [5;59]. Концепция находит отражение в позиции Г. Ф Шершеневича, который проводит аналогию между договором в пользу третьего лица и договором дарения, указывая, что договор в пользу третьего лица носит дарственный характер, а как следствие требует согласия одаряемого [7;520]. Указанная модель предусматривает применение фикции: дестинатарий в момент выражения согласия наделяется правом, которое считается возникшим в момент заключения договора. Но зачем откладывать его осуществимость до принятия, а затем фиктивно придавать обратную силу?

Модель акцептации не отступает от римского принципа *res inter alios acta*. Но в большинстве современных правовых систем (Германия [§328, BGB], Франция [art. 1205–1208, Code civil des Français], Великобритания [The Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999], Австрия [881-882, ABGB], Швейцария [art. 112, Swiss Code of Obligations], как и в актах унификации частного права [art.7:106, PECL; art. 5.2.1 UNIDROIT principles] согласие бенефициара не является условием существования у него права. С практической точки зрения выделяют наглядные преимущества отказа от модели акцептации: наделение дестинатария правом без его ведома (например, страхование в пользу третьих лиц); предоставление прав недееспособному, насцитурусу или даже постуму; принадлежность права непосредственно бенефициару, а как следствие невозможность его изъятия кредиторами или наследниками промиссара в случае его банкротства или смерти [1;251].

Модель ретроактивного отказа предполагает, что право дестинатария возникает непосредственно из договора, стороной которого он не являлся [6]. Дестинатарий может отказаться от приобретения права путём прямого выражения отказа. Согласно § 333 ГГУ, если «третье лицо отказывается от права, приобретенного из договора, оно считается никогда не возникшим». Данная модель несовершенна, так как нарушает принцип *res inter alios acta*, а в практической плоскости создает пространство для злоупотребления правами сторонами договора (например, предоставление доли в ООО без ведома дестинатария, с

целью признать его контролирующим лицом в деле о банкротстве и иное одарение потенциально несущее негативные последствия для одаряемого).

Текстуальный анализ ст. 430 ГК во взаимосвязи с абз.2 п.3 ст.308 ГК позволяет сделать вывод о наличии в российском правовом порядке модели ретроактивного отказа. В судебной практике делаются противоположные выводы, основанные на отождествлении безотзывности права дестинатария (наступающее согласно п.2 ст. 430 ГК с выражением дестинатария намерения воспользоваться правом) со вступлением последнего в обязательственные отношения со сторонами договора [2;146]. Этим обосновывается право промиссара воспользоваться правом дестинатария в случае отсутствия согласия. Формулировка обоснования указанного тезиса говорит о непринятии права третьего лица, существующего вне обязательства (что противоречит абз.2 п.3 ст.308 ГК), при этом логическая взаимосвязь тезиса и обоснования в данном случае не ясна. Аргумент о том, что только безотзывное право подлежит судебной защите звучал во французской цивилистической доктрине, но не получил поддержки в практике [1;252]. Недостаток российской модели акцептации – отсутствие механизма уведомления дестинатария о заключении договора в его пользу. Хотя норма п. 2 ст. 430 указывает, что о согласии на приобретение выгоды дестинатарий сообщает должнику, законодательно не закреплено на ком из контрагентов лежит бремя уведомления третьего лица.

Современное регулирование договоров в пользу третьих лиц в российском правовом порядке демонстрирует противоречивое сочетание традиционных догм и прагматических потребностей. Выбор между моделью акцептации и ретроактивного отказа отражает дилемму соответствия основополагающим принципам права и адаптации к реалиям, где права третьих лиц часто возникают без их непосредственного участия. Модель акцептации, закрепляя необходимость согласия дестинатария, формально охраняя его автономию воли, вступает в конфликт с требованиями практики и волей сторон договора [4]. Модель ретроактивного отказа, напротив, признает право дестинатария *ab initio*, однако создает риски злоупотреблений, особенно в корпоративных и наследственных отношениях. В отсутствие устоявшейся и обширной практики, а также разъяснений высших судов, перед российской доктриной стоит задача вспомнить споры столетней давности, как это делает зарубежная доктрина и выработать собственный подход к модели договора в пользу третьих лиц, подходящий российской правовой системе.

Источники и литература

- 1) Vogenauer S., The Effects of Contracts on Third Parties: The Avant-projet de réforme in a Comparative Perspective // Reforming the French Law of Obligations Comparative Reflections on the Avant-projet de réforme du droit des obligations et de la prescription. Oxford. P. 235–268
- 2) Бибикова Е. В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник эконом. правосудия РФ. 2017. No. 12. С. 95–157.
- 3) Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М., 2001. С. 207–220.
- 4) Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с фр. И. Б. Новицкого; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М.: Юрид. изд-во, 1948. С. 259–261
- 5) Мухаметгалиев Д. М. Правовые возможности влияния третьих лиц на договорные обязательства. М., 2022.
- 6) Цвайгерт К., Кёцт Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Т. 2, Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. с. 179–183.

- 7) Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М., 1912.